УПРЯМЕЦ ИЗ ЯЛАНКУЛЯ

Он ушел добровольцем на фронт, потому что считал: иначе нельзя

Немцы, что-то лопоча по-своему, с радостными улыбками обнимали советских разведчиков. Совали им за пояс свои пистолеты, в карманы брюк - гранаты, кому-то повесили на шею автомат...

Хасип Шаихович с правнучкой Дианой.

А завтра была Победа

В переделку разведчики попали по нелепости. Отделение сержанта Хасипа Кутусова командир полка отправил узнать, где расположен враг и какими силами он располагает. Всего второй день дивизия, переброшенная в начале мая сорок пятого из Германии в Чехословакию, находилась на новом для себя месте. Разведчики от дома к дому, осторожно пробирались по селу, расположенному километрах в шести-семи от места дислокации полка. Вдруг - веселая немецкая песня. Разведчики пошли на звук. Выйдя за крайние дома, остолбенели. Широкая дорога, рядом огромная, в человеческий рост или даже в полтора, гора оружия. Немцы шли колонной, счастливо горланя строевую песню. Когда очередной взвод проходил мимо кучи, солдаты срывали с себя автоматы и россыпью бежали к ней. Побросав оружие, возвращались на дорогу, строились и догоняли ушедших вперед. Немцы, дарившие разведчикам пистолеты и гранаты, видимо, были из числа опоздавших. Торопились по селу к своим - и наткнулись на наших.

Командование полка, когда разведчики доложили об увиденном, рвало и метало.

- Строиться, преследовать, догнать!

Солдаты построились, но противника догоняли так медленно, что скоро стало очевидно: преследования не получилось. Ни окрики, ни угрозы не помогали ускорить шаг. Восьмое мая сорок пятого. Уже никто не хотел убивать. А Хасип Кутусов еще несколько дней не мог отойти от удивления. Немцы, оказывается, тоже люди. Обычные люди, умеющие быть добрыми и веселыми.

Единственный не призванный

К декабрю сорок первого в татарском селе Яланкуль Большереченского района остался всего один мужчина призывного возраста - 21-летний Хасип Кутусов. За первые полгода войны Красная Армия потеряла около пяти миллионов солдат. Эти потери требовалось срочно компенсировать. Мобилизация шла и в городах, и в деревнях. Но в деревнях она была сплошной. Потому что в сибирские города сотни составов везли заводское оборудование из европейской части страны. С нуля начинали возводиться заводы: их надо было кому-то строить, выпускать снаряды, самолеты, танки.

Неудивительно, что всех мужчин призывного возраста за первые три-четыре месяца войны в Яланкуле подмели подчистую. А Хасип оставался. Другой бы радовался, млел от счастья, а он, сильный по характеру молодой человек, почти сломался. От стыда. Из каждой семьи кто-то воевал. В село уже начали приходить похоронки. Ему каждая похоронка - как соль на рану. Он, кажется, не меньше родственников фронтовиков боялся появления в деревне почтальона. Молодой татарин выгорал душой, а поделать ничего не мог. Он не увиливал от армии, уже несколько заявлений в военкомат отнес - не призывали. Вовсе не потому, что считали незаменимым кадром для колхоза, как, например, трактористов крупных хозяйств. Его на фронт не брали по другой причине: слишком мал ростом - метр пятьдесят один всего. Семья у Кутусовых большая, шесть детей, недоедали. Привычный рацион за столом: две-три картофелины и кружка молока. С чего в небо-то тянуться?

Отчаяние подвигло его на решительный шаг. Приехав в Большеречье, каждый день выводил из себя работников военкомата требованием выписать призывную повестку. Устали они от него. И военком росчерком пера решил проблему:

- Вот записка, у ограды сани стоят, подойдешь к вознице, скажешь, что едешь с ним. Пусть, кстати, трогает. Ты четвертый - команда набрана.

Путь до Омска новобранцу показался неимоверно долгим. Не потому, что новобранцы больше пешком шли, чем ехали. Деревенские к ходьбе привычны. Он ведь не ожидал, что его вот так, сразу, в чем пришел в Большеречье, зачислят в бойцы и отправят в путь. Без смены одежды, без хлеба. Хасипа подкармливали земляки из русских деревень, делясь тем немногим, что самим родители положили в дорогу.

В учебном лагере Хасип тоже редко досыта наедался. Меньше всех росточком, ему должно бы за глаза хватить пайка, которым кормили бойцов. Не хватало. Дело в том, что рослые парни могли себе позволить от чего-то увильнуть, что-то сделать вполсилы. Они знали - дальше фронта не пошлют. Хасипа же могли послать. Нет, не дальше фронта, а ближе. Отправить в трудармию или домой. Потому осваивал военную науку не за совесть - за страх. Хотя свою винтовку ненавидел. Словно злой человек изводила его. Длинная, при каждом шаге больно била по икрам. Но ни на марше, ни на стрельбищах от более рослых земляков не отставал.

В разведке

Через полгода часть направили на фронт. Его зачислили в полковую разведку. Почему? Не знает. Никаким особым боевым премудростям разведчиков не обучали. С тем багажом, что вышел из учебного лагеря, Хасип воевал и в разведке.

Несколько раз участвовал в захвате языков. Хорошо помнит первую ночную вылазку за линию фронта. Именно он подсказал командиру маршрут. Хасипа часто ставили наблюдателем. И он как-то обратил внимание на дым, который в сумерках начинал подниматься за немецкими окопами на передовой. Не иначе как печная труба блиндажа.

Разведчики точно вышли на дымоход. И растерялись. Дым идет, а блиндажа нет. Стали осторожно прочесывать местность. Блиндаж находился в нескольких десятках метров. Немцы отвели дымоход, чтобы избежать попадания при обстрелах. Что разведчикам оказалось даже на руку: скомкав маскхалат, устроили игры

Фото из семейного архива. Июнь 1945. Победитель.

с дымоходом. То затыкали отверстие, то открывали. Минут через пятнадцать услышали торопливые шаги. Немец бежал узнать, в чем дело. Едва вошел в круг, образованный тремя замаскировавшимися разведчиками, его тут же сбили с ног.

- А чтоб захваченный не успевал крикнуть, в разведке применяли простой прием: хватали сразу за кадык, - вспоминает профессиональные приемы Хасип Шаихович. - Затем засовывали в рот кляп. Первого пленного хорошо помню, упрямый попался. Рот раскрывать не хотел. Долго я с ним провозился.

Только в штабной землянке Хасип рассмотрел языка. Худенький, зареванный от страха мальчишка.

Но так ловко не всегда получалось. Как-то разведчики взяли в плен заснувшего часового. Тот по дороге выплюнул кляп и заорал что есть мочи - ему поддали, скрутили, завернули в плащ-палатку и рысью потащили к своим окопам. Подгонять никого не приходилось - фашисты огнем из пулеметов подстегивали. Кто-то сквозь зубы уже постанывал от ран. Когда свалились в окоп на своей стороне и раскрутили поклажу, то немца увидели мертвым, с дыркой от ножа на левой стороне груди. Так и осталось тайной, покрытой мраком, кто из разведчиков, а вину на себя никто не взял, ткнул пленного ножом, чтоб не кричал.

Командир полка, увидев такую работу, зло матюгнулся.

- А какая награда нам будет? - рискнул спросить командир разведгруппы.

- Штрафбат по вам плачет, а не награда.

Но в вылазки за языками, Хасип Шаихович сейчас честно в том признается, его брали нечасто. То ли из-за роста, то ли потому, что показал себя хорошим наблюдателем - в этом деле был нужнее. Зато когда требовалось уточнить линию немецкой обороны, Кутусов почти всегда попадал в состав разведгруппы. Он, сутками рассматривая передний край в стереотрубу, имел больше, чем другие, представления о том, что и где у немцев расположено.

Считалось, что в таких походах риска поменьше, пореже и награждали за них. За языками почетнее ходить было. Хотя награды тоже иногда бывали делом везения. Как-то полк, в котором служил Хасип, дважды за день посылали в кровопролитную атаку. Смерти избежали немногие. Зато двойное счастье у них на тот день пришлось: живы да еще наградили всех. А кого и за что Бог спасал - судить ему одному.

Бывший фронтовик вспоминает один почти мистический случай. Разведчикам дали особо опасное задание: средь бела дня пробраться на вражескую территорию и уточнить глубину обороны. Командир брать Хасипа не собирался. Но кто-то из разведчиков сказал, что страдает расстройством желудка. Больного заменили Хасипом. Вернулись из разведки - больной убит. Пока были на той стороне, немцы атаковали наш передний край.

На фронте люди быстро становились верующими. И комсомолец Кутусов - стопроцентный атеист, пока стояла тишина над окопами, под бомбежками и обстрелами начинал неистово шептать спасительную молитву. Он знал всего одну, запомненную в детстве.

После Победы

Демобилизовался в сорок шестом. Вернулся домой, здесь - бедно и голодно. Работа в колхозе, как и до войны, за «палочки». А счастья, как говорится, выше крыши. Понимал, из какого пекла живым вышел. При всей скудности сороковых шинель фронтовую не заносил до дыр, сберег. Она сейчас в Большереченском музее находится.

Хотя собой, как и все фронтовики той поры, не гордился. Да, наград много, но перед кем ими хвалиться? Каждый второй мужик в Яланкуле войну прошел, а каждый второй с нее и вовсе не вернулся. Только пара местных мужиков знала другую жизнь - они всю войну в лесу рядом с селом скрывались. После Победы потихоньку, незаметно снова влились в колхоз. В них тоже пальцем тыкать скоро перестали. Конечно, сердце у фронтовика побаливало: как же так, он ночами к немцам в тыл ходил, а эти к своим женам бегали, а теперь на равных? А выход какой? Ну, посадят. А кто детей кормить станет? И он до сих пор не знает, где верный выход из той ситуации. В одном уверен: сам он поступил абсолютно правильно. Произойди невозможное, вернись сорок первый - и он, все зная, снова пошел бы на фронт. Как все нормальные мужики.

Виктор Гоношилов
Фото автора

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Весной нынешнего года Хасипу Шаиховичу исполнилось 89. В родном селе он прожил до 83 лет. Бригадир, агроном, зоотехник. Сельскохозяйственный техникум очно окончил уже будучи семейным человеком. Они с женой вырастили пятерых детей. После смерти жены, оставшись один в своем доме, он еще лет семь не покидал родины. Последние годы живет в Омске у сына. Хорошо ориентируется в городе, не боится поездок в другие города. И никогда не отказывается от выступлений перед школьниками или студентами. По-русски говорит с заметным акцентом, но кому надо, тот его понимает.